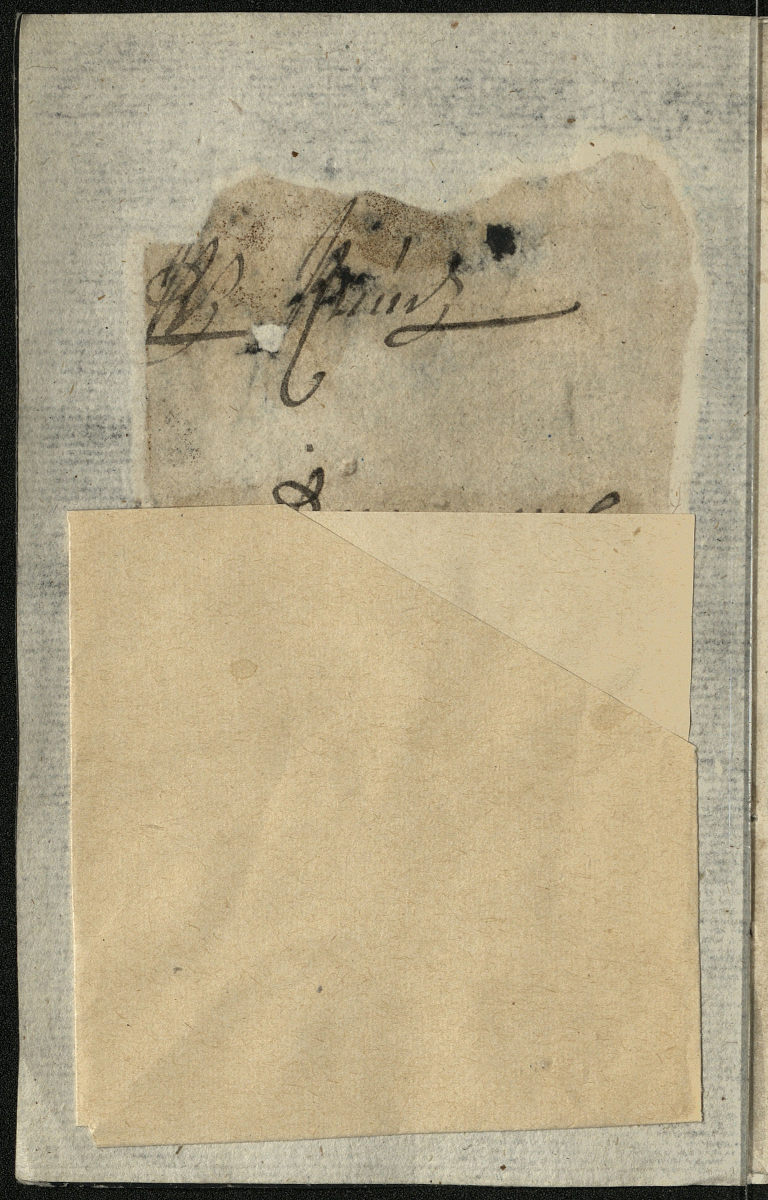
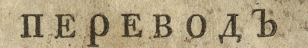

ПЕРЕВОДЪ

съ Поэмы о нынѣшнихъ дѣлахъ,

ЮГАННА ПЛОКГОФА

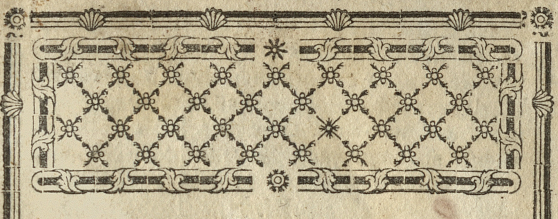
Голстинскаго Надворнаго Совѣтника.

въ

1770. году

ВЪ Санктпетербургѣ.

ПОЭМА

I.

Пріимите оружїе и щитъ, Государи и республики Христїанскїе, давно уже другъ противъ друга кровь проливающїе, по распрямъ стольже слабымъ, сколь и безполезнымъ. Къ ружью, противъ непрїятеля Европы! Похитители престола Константиновъ сами приглашаютъ васъ на свою погибель. Они побѣдительнымъ Россійскимъ мечемъ поверженные вопїютъ къ вамъ: идите совершить конечное наше изкоренение!

II.

Стамбулскїй Сарданапалъ, въ нѣгѣ и въ варварствѣ спящїй, на часъ пробудился отъ гласа гордостїю надмѣнныхъ своихъ Сатраповъ, и въ невѣжествѣ утопающихъ Имамовъ. Они ему говорили: нарушай всенародныя права; отнюдь не почитай пословъ Монаршихъ; начни повелѣнїемъ засадить ихъ въ оковы; мы по томъ именемъ твоимъ возвѣстимъ во вселенной, что идешь наказать Россїю

2

за ея предъ тобою ослушанїе. Есть на то моя воля, отвѣтствовалъ дебѣлый Дарданеловъ и Марморы обладатель. Янычары его и Спаги вступили въ походъ; а онъ въ глубочайшїй сонъ по прежнему погрузился.

III.

Когда вещественная его душа въ приятныхъ плавала сновидѣнїяхъ между двумя чернобровыми грузинками, вырванными чрезъ скопцовъ изъ объятїй матерей ихъ, для насыщенїя его похотей безъ любви, и его скотства безъ всякаго разбора, тогда Россїйскїй духъ разпростеръ свѣтозарныя своя крылїя. Гласъ его услышанъ отъ Невы до Чернаго моря, въ Сарматїи, въ Дакахъ: на брегахъ Дунайскихъ, у мыса Тенаро, въ поляхъ, на горахъ, гдѣ въ древности царствовалъ Менелай. Промолвилъ только тотъ сильный духъ; варвары, потомки Туркестановы, пали ницъ мертвы на землю. Трепещетъ Стамбулъ; сѣкира при корени сего великаго древа, прїосѣняющаго Европу, Асїю, и Африку, вѣтвїями своими бѣдственными. А вы осталися бы спокойны! Вы Государи, толико кратъ оскорбленные отъ того дикаго племя, вы почивалибъ такъ же какъ Мустафа, сынъ Махмутовъ!

IV.

Никогда, можетъ быть, уже не сыщутъ толь способнаго случая, къ прогнанїю въ древнїя ихъ болота, грабителей всесвѣтныхъ. Сербїя простираетъ свои

свои руки ко младому Кесарю Римскому, и вопіетъ ему: избави мя отъ ига Отоманскаго. Младый сей Государь, любящій добродѣтель и истинную славу, да прославитъ себя тою славою, мстя за обиды нанесенныя Августѣйшимъ его предкамъ; непрестанно да зритъ онъ, умными очами, Вѣну Визиремъ осажденну, и Венгрію, чрезъ цѣлые два вѣка, опустошаему.

V.

Льву С. Марка недостоитъ довольствоваться съ угожденіемъ, тѣмъ только, что держитъ онъ въ своихъ когтяхъ Евангеліе; устремися онъ на ловъ свой; спокойно сочетовающійся ежегоднымъ бракомъ съ Адріатическимъ моремъ, да разсѣкутъ волны стами кораблями; возвратно получатъ они островъ Венерѣ посвященный, и еще тотъ, гдѣ Миносъ выдавалъ свои законы, забытые нынѣ для законовъ Алкорана.

VI.

Отечество Θемистокла и Милтіада рветъ свои оковы изъ дали смотря на Орла ЕКАТЕРИНЫ; но сокрушить ихъ оно еще не сможетъ. Чтожъ! развѣ нѣтъ въ Европѣ никого, кромѣ малаго невѣдомаго народа; горсточки Черногорцовъ, муравейнику подобныхъ, ктобъ дерзнулъ слѣдовать по стезямъ, которыя показываетъ намъ торжествующій тотъ Орелъ съ высоты высокопарнаго своего полету.

VII.

Мужественные рыцари каменистаго острова Малты пылают нетерпѣливостїю к возврату острова Солнечнаго и Розоваго, отнятаго у них Солиманом безстрашным, пращуром Мустафы слабомозгаго. Благородные и храбрые Испаны, никогда мира с варварами неимѣющїе, и не посылающїе к ним Консулов купеческих, в званїи Послов, на безчестїе и поруганїе, всегда терпимыя и сносимыя; Испаны в Оранѣ на Африканскїя державы нападающїе, стерпят ли, чтоб ветхїя Византїйскїя седмь башен, дерзали наругатся башням Кастилїи?

VIII.

Во времена грубаго невѣжества, рыцарей смѣха достойных, Европейскїе Понтифексы изобрѣли тайну вооружать Христїан против Мусульманов, награждая их только крестом на плечѣ, и благословенїями. Всемирный Владыко Господь Вседержитель, говорили они, повелѣвает, чтоб рыцари и всадники, в угожденїе своим красавицам, шли всѣх убивать в каменистой и безплодной землицѣ Іерусалимской и Виѳлеемской. Яко бы Богу, и красавицам тѣм, нужно было, чтоб такая бѣднѣйшая землица принадлежала Франкам, Грекам, Арапам, Туркам, или Сарасминам.

IX.

IX.

Скрытое и подлинное оныхъ великихъ вооруженій намѣреніе было то, чтобъ покорить Церковь Греческую Латинской: (ибо нечестиво Богу молиться по Гречески, онъ разумѣетъ только по Латинѣ). Римъ желалъ владѣть Епископствами Лаодикійскимъ, Никомидійскимъ и великимъ Каиромъ. Римъ желалъ, чтобъ злато Асійское текло между бреговъ Тибра. Скупость и грабительство, вѣрою прикрытыя, погубили людей целые миліоны; оныжъ къ нищетѣ привели и тѣхъ самихъ, которые чаяли обогатиться, по сумазбродству отъ тудажъ вдохновенному.

X.

Не о Крыжатикахъ, Государи, здѣсь дѣло идетъ. Оставьте развалины Іерусалима, Хорозеи, Содомы и Гоморы, выгоните Мустафу, и раздѣлите; войска его побиты; но они чрезъ траты свои научаются; нѣкакой Визирь обучаетъ ихъ Пруской ексерциціи. Турки опамятовався отъ изумленія своего, могутъ быть сильны и страшны. Побѣжденные въ Дакіи могутъ когда ни будь вторично осадить Вѣну. Время ко изкорененію Турковъ наступило. Ежели вы то время пропустите, ежели оставите обучаться народъ ужасный, до сего безъ воинскаго порядка, онъ можетъ быть васъ самихъ изкоренитъ. Но гдѣ сыскать тѣхъ, которые умѣютъ предъусматривать и предупреждать!

XI.

Политики скажутъ, мы смотримъ на которую сторону вѣсы перетянутъ; мы хотимъ равновѣсія; сребра и денегъ безъ чего никакого дѣла начать не можно, у насъ нѣтъ; мы ихъ разточили на войнахъ безполезныхъ, которыя изтощили многїе народы: хотя дѣйствительныя пользы не произвели ни единому. Вы сребра и денегъ не имѣете? бѣдные Государи! Турки меньше вашего имѣли, когда они взяли Константинополь. Принимайтеся за желѣзо, ступайте.

XII.

Такъ говорилъ въ Херсонесѣ Кимбрическомъ одинъ гражданинъ любящїй предпрїятїя великїя. Онъ ненавидитъ Турковъ какъ враговъ всякаго художества; онъ оплакиваетъ жребїй Грецїи; онъ рыдаетъ о Польшѣ, которая терзаетъ себѣ утробу своими руками, вмѣсто того, чтобъ соединиться подъ повелѣнїемъ Короля своего. Онъ пѣлъ стихами Германическими: но Греки изъ того ничего не разумѣли; а Конфедераты Польскїе его не выслушивали.

